

Чую Накахару, который наконец-то научился более-менее сносно общаться с окружающими, домашние единогласно решили отправить в мир — привыкать к нормальной, человеческой жизни.

Но стоило Сюдзи Цусиме взять его под крыло и отвести в школу, как у Чуи зародились смутные сомнения. С его домом явно было что-то не так.

Взять хотя бы фамилии: у одноклассников они чинно наследовались от отцов и матерей, тогда как у них дома царил полнейший разнобой. Кто во что горазд.

Или другой пример: вряд ли в обычных семьях обустраивают посреди дома огромный зал для спаррингов и ежедневно изнуряют себя тренировками по боевым искусствам.

Поговорив по душам с соседом по парте, Чуя крепко задумался.

— Пошли уже, — окликнул его Сюдзи.

Сладко зевнув, он бесцеремонно увлек Чую за собой на крышу соседней средней школы Намимори, где их уже поджидала компания из Вонголы, чтобы вместе пообедать.

Пользуясь моментом, Чуя решил высказать накопившееся.

— А? Так нас же всех просто подобрали. С чего бы нам носить одну фамилию?

Сюдзи ответил так небрежно, словно говорил об обыденных вещах. Ему было глубоко плевать, что у Чуи от таких откровений едва не задымился мозг. Пользуясь замешательством названного брата, Цусима ловко подцепил палочками сочный кусочек крабового мяса из его бенто.

Впрочем, парень ничуть не кривил душой. Всю эту разношерстную ораву Аль-Хайтам действительно собирал поодиночке, выполняя бесконечные системные задания.

— К тому же, неужели ты всерьез считаешь себя обычным человеком?

И то верно — куда там.

Собственно, домашние лишь потому и отпускали Чую на улицу под присмотром Сюдзи, что тот владел способностью сводить на нет любую чужую силу. Если бы мальчишка разволновался среди толпы обывателей, взмыл под потолок или разнес к чертям половину квартала, Цусима мог вмиг его осадить.

До Чуи наконец дошел смысл этих слов. Ему ведь без конца талдычили старшие братья и

сестры: «Ни в коем случае не показывай свои фокусы чужакам».

Он на автомате ткнул палочками в рис, зачерпнул горсть и отправил в рот, продолжая переваривать услышанное.

— Да уж, это чувство... — Цунаёши Савада сочувственно посмотрел на растерянного мальчишку. В памяти сразу всплыл тот памятный день, когда у него самого впервые загорелась голова. — Ничего, привыкнешь.

В конце концов, если изо дня в день бегать нагишом по улицам с полыхающим на макушке пламенем, грань стыда рано или поздно стирается. Сейчас Цунаёши уже не казалось это такой уж трагедией.

— Что-то мне подсказывает... к такому привыкнуть трудновато, — пробормотал Чуя.

Раньше он попросту не обращал внимания, но теперь, когда Цусима ткнул его носом в очевидное, нестыковки посыпались одна за другой. Все ведь лежало на поверхности.

— Твоему умишку такие вещи не под силу, да? — ухмыльнулся Сюдзи.

Скормив себе последние кусочки краба из чужой тарелки, он без зазрения совести переложил в нее гору овощей, которые терпеть не мог.

— Не смей привередничать!

Вспомнив строгие наставления Одасаку, Чуя сердито зыркнул на наглеца. В ту же секунду отторгнутые овощи окутались едва заметным багровым свечением и с тихим шорохом взмыли в воздух, приземлившись ровно в миску Цусимы.

— Ты каждый день лопаешь одних крабов! Скоро сам в членистоногое превратишься!

— Ну и пусть, — лениво отозвался Сюдзи.

Со времени своего появления в этом мире Цусима знатно преобразился, превратившись в законченную депрессивную амебу, готовую сутками вялиться на солнышке. Если на горизонте не маячили очередные неприятности, он предпочитал плыть по течению, нацепив маску вежливого и покладистого юноши.

Где-то вдалеке глухо загрохотало. На этот звук никто даже бровью не повел — дело житейское. Сатору Годзё и Кёя Хибари успели спеться на почве взаимной неприязни, и каждая их встреча неизбежно превращалась в фейерверк локального апокалипсиса.

— Хибари-сан невероятен, — вздохнул Цуна, качая головой. — Они с Сатору скоро всю гору за школой сровняют с землей. Кусакабэ вчера обмолвился, что если ребята расчистят побольше места, можно будет расширить школьный двор.

С тех пор как Реборн взял его в оборот и заставил ежедневно зубрить тонны учебников, Цунаёши поневоле начал подмечать выгоду в любых разрушениях, шедших на пользу благоустройству Намимори.

Впрочем, масштаб личности Хибари все еще повергал его в трепет. В таком нежном возрасте подмять под себя весь город и основать собственную теневую империю под вывеской Комитета дисциплины — это действительно заслуживало уважения.

— Вы тоже потрясающий, Десятый! — тут же вскинулся Хаято Гокудэра, преданно заглядывая командиру в глаза.

— Интересно, а бейсбольную площадку нам расширят? — добродушно поинтересовался Такеши Ямамото, тут же подхватив общую тему.

«Да почему они все воспринимают это как должное?!» — Чуя непонимающе уставился на безмятежную троицу. Мальчик еще не подозревал, что перед ним сидит будущая верхушка могущественной итальянской мафии со всеми ее Хранителями.

— Какой же ты все-таки наивный, Чуя, — Сюдзи проглотил последнюю порцию риса и привычно завел свою шарманку. — Сам подумай: стали бы обычные, заурядные школьники дружить с нами? К тому же, ты при них свою гравитацию даже не думал сдерживать.

Чуя прикусил язык. Действительно, крыть было нечем.

Подростки дружно повернули к нему головы. На их лицах читалась такая искренняя, теплая жалость к этому святому неведению, что Чуя почувствовал себя глупым несмышленищем, которого взрослые ласково гладят по головке.

Так, сам того не желая, Чуя заработал репутацию очаровательного младшего братишки, которого во что бы то ни стало нужно оберегать от жестокого мира. И никого ни капли не смущало, что этот «хрупкий ребенок» при желании мог швыряться груженными самосвалами.

После уроков Чуя вихрем помчался домой. Ему не терпелось поскорее поделиться новостями с опекунами, которые как раз были в гостинной.

Эти двое являли собой полнейшую противоположность друг другу. Кавех вечно возился с горами чертежей прямо на кофейном столике, с удовольствием поясняя любопытной детворе

значение каждой линии. Аль-Хайтам же предпочитал затворяться в тиши своего кабинета. Изредка он читал им лекции, порой перебирался с книжкой на мягкий ковер в гостиной, а иногда и вовсе бесследно пропадал по делам, известным ему одному.

К добродушному архитектору Чуя питал особую нежность. Кавех никогда не жалел времени на объяснения, подбадривал его при неудачах и часами увлеченно рассказывал истории о далеких, невиданных краях.

Но и к нелюдиму Аль-Хайтаму мальчик тянулся всем сердцем. Ведь именно его лицо стало первым, что он увидел, когда впервые открыл глаза.

Окончательно придя в себя и восстановив в памяти обрывки прошлых воспоминаний, Чуя осознал, сколько сил и трудов опекуну стоило вырвать его из лап смерти. Извечное чувство привязанности — своего рода синдром утенка — пустило глубокие корни.

Словно неугомонный, щебечущий воробей, он так и вился вокруг взрослых, вываливая на них ворох самых незначительных школьных сплетен.

— Скажите... а вы с господином Аль-Хайтамом — любовники? — набравшись храбрости, выпалил наконец Чуя.

Для ребят его возраста семья всегда ассоциировалась с парой родителей. Чуя мысленно отвел опекунам роли отца и матери, но неожиданно для себя обнаружил, что оба они — мужчины.

Детская непосредственность взяла свое. Дома его приучили: если чего-то не понимаешь — спроси старших. Вот он и спросил, без задней мысли.

Стоявшие в дверях ребята мгновенно затаили дыхание. Уши у всех вытянулись в предвкушении сочной сплетни.

— А? Да нет, ты что, — Кавех растерянно почесал затылок, лихорадочно соображая, как доступнее преподнести ребенку столь тонкую тему.

Опекунство вовсе не подразумевает супружеских уз, да и о каком браке может идти речь? Однако начини он сейчас распутывать этот клубок, неизбежно увяз бы в юридических терминах и тонкостях местного законодательства.

— Мы сожители, — сухо отчеканил Аль-Хайтам.

Его излюбленная формулировка, которой, к слову, частенько прикрывался и сам архитектор.

— То есть... вы друг другу не семья? — Чуя удивленно захлопал глазами, явно обескураженный

столь прозаичным ответом.

— Ну... в каком-то смысле семья, — мягко отозвался Кавех.

Родители обоих давно покинули этот мир. И пускай в прошлом они с Аль-Хайтамом могли годами осыпать друг друга взаимными упреками, за столько лет совместной жизни они притерлись друг к другу. Тот, кто делит с тобой кров и хлеб, волей-неволей становится родным человеком.

Впрочем, Аль-Хайтам никогда не отводил любви места в чертежах своей судьбы. Его разум всецело поглощали книги, научные изыскания и тайны мироздания. Век человеческий слишком короток, и бывший секретарь Академии ценил каждое мгновение, стремясь раздвинуть границы собственных знаний, чтобы в сухом остатке не осталось места досадным сожалениям. Он давно примирился с мыслью, что встретит старость в гордом одиночестве.

Излишне рассудочные натуры часто мнят, будто держат собственные чувства под строгим контролем. Но если бы привязанность можно было взвесить на аптекарских весах или разложить на сухие формулы, мир не знал бы столько безумцев, готовых ради нее сжечь себя дотла.

Кавех, пожалуй, разделял эту молчаливую обреченность, пусть и по совершенно иным причинам. Он слишком хорошо знал собственные душевные изъяны и искренне верил, что никто в здравом уме не согласится терпеть партнера, изнутри изъеденного чувством вины и неспособного просто принять чужую заботу. Измениться он не мог — не знал как, да и боялся. В итоге все свелось к одному простому решению: держаться в стороне, чтобы не портить жизнь окружающим. Пусть уж лучше так, лишь бы не обременять никого своей израненной душой.

Приняв этот приговор, он без остатка растворился в творчестве, уповая лишь на свои архитектурные идеалы и не замечая, как в груди мало-помалу разрастается ледяная пустота.

Оба замолчали, погрузившись в собственные думы.

Они разительно отличались от большинства людей, а потому и к чувствам подходили со своей, особой меркой. Гениальные каждый в своем ремесле, в делах сердечных они оказывались непроходимыми тупицами.

В общении с приемышами они тоже действовали наощупь, даря тепло так, как умели: один окутывал детей безграничной, почти материнской нежностью, другой — направлял твердой рукой, а затем отпускал на волю, позволяя учиться на собственных ошибках.

И даже когда семена их заботы давали всходы, опекуны никогда не приписывали заслуги себе. Они лишь скупно бросали: «Вы всего добились сами».

Странно и горько: два столь противоречивых человека, совершенно не умеющих любить и принимать любовь, в глубине души пользовались одними и теми же методами воспитания. Парадокс, не поддающийся никакой логике.

— Ну не грустите вы так, — Чуя порывисто шагнул вперед и обхватил их обоих за шеи, стараясь прижать к себе как можно крепче.

Маленький, щуплый, он забавно тянулся вверх, силясь заключить мужчин в свои короткие объятия.

Славный, чуткий Чуя. Не понимая, какие бури бушуют в головах опекунов, он на одном лишь интуитивном порыве бросился их утешать.

— Действительно... — Кавех невольно улыбнулся и ласково взъерошил мальчишке рыжие вихры. На душе потеплело от осознания, что ребенок, несмотря на все пережитые невзгоды, вырос чутким и отзывчивым.

— Никто и не думал грустить, — тихо возразил Аль-Хайтам.

Впрочем, перед его мысленным взором на миг промелькнул образ покойной бабушки, а следом — смутные лица родителей, которых он лишился слишком рано. Грудь сдавило легкой, щемящей тоской. Секретарь тихо выдохнул, пытаясь совладать с нахлынувшими чувствами. Ему всегда давалось с трудом общение с теми, кто привык действовать напролом, руководствуясь лишь искренностью. И Чуя, и Кавех были сотканы из этого невыносимого для его логики теста.

Притаившиеся в коридоре ребята переглянулись. До них вдруг дошло: их непогрешимые, вечно уверенные в себе опекуны тоже подвержены обычным человеческим слабостям.

Обычно Кавех и Аль-Хайтам казались им незыблемой каменной стеной, за которой можно укрыться от любых невзгод. И этот мимолетный проблеск уязвимости, сквозивший в их неловком молчании, мгновенно разжег в подростках неумное любопытство.

Акико беззвучно, одними губами, спросила у Сюдзи Цусимы — признанного мастера в таких деликатных делах:

— Как думаешь, что у них там за драма?

Сатору Годзё и Ранпо Эдогава тут же придвинулись ближе, боясь упустить хоть слово.

— Два клинических идиота, — так же беззвучно выговорил одними губами Сюдзи.

За всю свою жизнь он не встречал столь непрошибаемо слепых людей. Разве что Одасаку мог составить им достойную конкуренцию, но тот был вне категорий.

Заметив недоумение на лицах сообщников, Сюдзи сокрушенно покачал головой и добавил:

— Если в двух словах: любят друг друга, но ума признаться не хватает.

Из-за кучи надуманных преград эти двое добровольно превратили себя в бесчувственные деревяшки. А чего ждать от обычных поленьев? Разве у них могут быть внятные мысли на этот счет?

До них дойдет лишь тогда, когда кто-нибудь не выдержит, сорвет с них сухую шершавую кору и ткнет носом в их же собственные сердца, которые давно размякли от тепла друг друга.

Цусима тихо хмыкнул про себя и замолчал, потеряв к разговору всякий интерес.

<http://bllate.org/book/18256/1755680>